



ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. СТЕПАНОВ

В. Н. ТАТИЩЕВ И РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

*„... Я ни о чем более прилежу, как
ясною историею моему отечеству славу и
честь приумножить“.*

(Из письма В. Н. Татищева П. И. Рычкову 2 ноября 1749 г.)

«Птенец гнезда Петрова», видный государственный деятель первой половины XVIII в. Василий Никитич Татищев сыграл крупную роль в развитии самых различных отраслей знания в России. С. М. Соловьев справедливо сравнивал в этом отношении В. Н. Татищева с М. В. Ломоносовым. «Такова громадная деятельность Татищева,— писал Соловьев,— которому, наряду с Ломоносовым, принадлежит самое почетное место в истории русской науки в эпоху начальных трудов»¹.

В. Н. Татищев написал фундаментальный труд в пяти томах «История Российская», имевший основополагающее значение в становлении истории как науки в России. Он же является автором замечательного философского трактата «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ». Его перу принадлежит труд «Экономические записки», и он же был автором первых историко-юридических комментариев к «Русской правде» и «Судебнику Ивана IV». Татищев составил первые сравнительные словари языков ряда народностей, населявших Россию, и он же написал ряд географических работ, посвященных как отдельным частям Российской империи, так и Русскому государству в целом.

Историк и философ, юрист и географ, лингвист и экономист, В. Н. Татищев оставил яркий и глубокий след и в развитии этнографии в России.

Юбилейная дата,— 200 лет со дня смерти Татищева в 1950 году,— же вызвала ряд откликов в советской науке². Отметить эту дату должны и этнографы.

Этнография в России в то время, когда жил и работал В. Н. Татищев, еще не выделилась в самостоятельную отрасль научного знания, дифференцированную от других отраслей. Такое выделение этнографии произошло значительно позднее, уже в XIX в. В XVIII в. в России,

¹ С. М. Соловьев, Писатели русской истории XVIII в., Собрание сочинений, изд. «Общественная польза», стб. 1350.

² Географгизом выгущен сборник «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России» под редакцией А. И. Андреева и с его вводной статьей «Труды В. Н. Татищева по географии России». В Ленинградском государственном университете защищена диссертация Е. Г. Шапот на тему «В. Н. Татищев и его деятельность в области русской географии (автореферат опубликован)». В № 7 «Вестник Ленинградского университета» опубликована статья А. П. Аверьяновой «В. Н. Татищев как филолог».

так же как и в Западной Европе, этнография развивалась в рамках таких наук, как география, естествознание и история. В трудах, посвященных изучению природы России, накапливались материалы по характеристике народностей Российской империи. В исторических трудах ставились и разрешались вопросы, ставшие позже достоянием исторической этнографии.

Этот период развития этнографического знания в рамках таких наук, как естествознание, география и история, имел большое значение в истории этнографической науки в России. Научные деятели этого периода подготовили становление этнографии как науки. Среди этих ученых один из наиболее видных мест бесспорно принадлежит В. Н. Татищеву.

Кипучая деятельность Татищева протекала в различных местах Российского государства. Он строил заводы на Урале и создавал там школы, руководил Оренбургской экспедицией и был наместником Астраханского края. И всюду Татищев собирал материалы для своих трудов, закупал рукописи и расспрашивал через переводчиков местных жителей, составлял карты и изучал древности. Его биограф Н. А. Попов такими штрихами характеризует Татищева как исследователя: «Он усердно и отовсюду собирал рукописи исторического содержания, народные песни и поверья, старинные ландкарты; а во время частых странствий своих из одного конца России в другой по обязанностям службы не упускал ни одного удобного случая научиться чему-нибудь. Так он роется в архивах, покупает рукописи на площадях у разносчиков; читает у князя Д. М. Голицына письмо царя Михаила Федоровича к Федору Шереметьеву, у князя А. М. Черкасского два или три письма царя Алексея Михайловича к князю И. Б. Черкасскому; разъезжая по Уральским горам, беседует с инородцами; спрашивает пояснения слов: у татар, у бухарцев; о том же спрашивает Дондук Даши, его абу-гелюнга; чрез оренбургского асессора Рычкова расспрашивает ученых магометан о разных наименованиях заморских народов, и те доставляют ему письменные ответы; того же требует от служивших при нем восточных переводчиков; переписывается о литовских древностях с одним знатым смоленским шляхтичем; чуваша, черемисы толкуют ему свои собственные имена; о том же расспрашивает он вогуличей через переводчиков; говорит с грузинским царевичем Бакаром о книгах Мефодия Патарского; донские казаки показывают ему различные местности, славившиеся знаменитыми в древности; кабардинские уздени передают ему предания кавказских горцев; он сам осматривает развалины старых городов на реках Ахтубе, Волге, Ингулу, Проне и посылает с тою же целью офицеров и геодезистов... он делает наблюдения над солнечными затмениями, записывает себе на память годы, когда было северное сияние, когда являлись метеоры, плодилась саранча, записывает различные поверья... у Татищева по всему восточному краю России разбросано было немало крестников из инородцев, которым он же давал русские прозвища вместо собственных имен, и которые иногда навещали его и вели с ним разговоры о своем быте и т. д.»³. В этой характеристике В. Н. Татищева как исследователя, набросанной профессором Казанского университета Н. А. Поповым, вряд ли можно усмотреть какую-либо направленность в подборе этнографических сюжетов. Н. А. Попов как ученый особой любовью к этнографии не отличался. И вместе с тем как много в этой характеристике для современного исследователя-этнографа специфических этнографических тем и сюжетов! Здесь и запись народных песен и поверий, и беседы с представителями различных народностей — татарами, бухарцами, вогулами, чувашами, черемисами, и расспросы о названиях народов, об их быте, и т. д. и т. п. Все это прекрасно подчеркивает тот факт, что круг вопросов, который в настоя-

³ Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 434—435.

шее время входит в ведение этнографии, занимал в научных интересах В. Н. Татищева большое и важное место.

Вопросы этнографии у В. Н. Татищева самым тесным образом переплетались с вопросами географии, составляя единую науку, которая, по его классификации, входила в разряд полезных наук и обозначалась им как «землеописание или география».

В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» В. Н. Татищев так определяет ее объем и задачи: «Землеописание или география показывает не токмо положение мест, дабы в случае войны и других приключений знать все оного во укреплениях и приходах способности и невозможности, при том н р а в ы л ю д е й, природное состояние воздуха и земли, довольство плодов и богатств, избыточество и недостатки во всяких вещах, наипаче же собственного отечества, потом пограничных, с которыми часто некоторые дела, яко надежду к помощи и опасность от их нападения имеем, весьма обстоятельно знать, дабы в государственном правлении и советах, будучи о всем со благоразумием, а не яко слепой о красках рассуждать мог»⁴. К этому же вопросу В. Н. Татищев возвращается и в «Истории Российской», где он делит географию на математическую, физическую и политическую. Вопросы этнографии составляют важнейшую часть последней.

«Политическое географии описание представляет селения великие и малые, яко грады, пристани и пр., правительства гражданские и духовные, способности, прилежности и искусства, в чем-либо того предела обыватели упражняются и преимуществуют, яко же их нравы и состояния, и как сии обстоятельства по временам переменяются»⁵.

Политическая география иначе определялась Татищевым и как география историческая. «География гисторическая, или политическая, описует пределы и положения, имя, границы, народы, преселения, строения, или селения, правление, силу, довольство, недостатки, и оная разделяется на древнюю, среднюю и новую, или настоящую»⁶. Последним определением и самим термином (историческая география), а также делением ее по периодам (древняя, средняя и новая) Татищев резко подчеркнул теснейшую связь, по его представлениям, истории и географии. Вопросы этнографии, в силу такого подхода Татищева к задачам истории и географии, занимают в его работах (исторических и географических) весьма важное место.

Задаче создания «Российской географии» В. Н. Татищев придавал не меньшее значение, чем «Российской истории», и в своих трудах и деловых бумагах (доношения в Сенат, Академию Наук и т. д.) он неоднократно обосновывал важность и настоятельную необходимость для Русского государства создания таких трудов. Можно сказать, что Татищев придавал государственное значение работе по написанию систематической «Российской географии» и «Российской истории».

«Географ, по мнению Татищева,— это человек, который от государя определен... сочиняет обстоятельное всея земли или государству, иногда же коего предела, описание, должен быть довольно искусен в астрономии, геодезии и истории, дабы не токмо все обстоятельно описать, но правильные чертежи сочинять, к чему служат ему геодезисты»⁷.

Прекрасно разбираясь во всей научной литературе того времени, Татищев ясно осознавал недостатки существовавших в то время пособий

⁴ «Чтения в Московск. об-ве истории и древностей российских», кн. 1, М., 1887, стр. 81 (разрядка моя.— Н. С.).

⁵ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, Имп. Моск. ун-т, М., 1769, стр. 501.

⁶ Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым, ч. II, СПб., 1793, стр. 39.

⁷ Там же, стр. 38; см. также В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии Наук XVIII века, М.—Л., 1946, стр. 29.

и трудов по географии и истории. Но особенный гнев и возмущению вызывали у него многочисленные иностранные «труды» и «записки» путешественников о России. В доношении в Сенат 30 апреля 1739 г. Татищев писал: «Российского ж государства доднесь никакой географии не сочинено и в школах младенцы учатся по сочиненным от иностранцев, но понеже оные частию неполны, частью неправдами и поношениями наполнены и для того их переводить или в школах употреблять более вреда нежели пользы...»⁸

Передовой дворянский идеолог первой половины XVIII в., патриот Русского государства, В. Н. Татищев резко выступил против фальсификации иностранных ученых, принижавших русский народ, русскую культуру.

В космополитической работе Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» в корне неверно освещены взаимоотношения В. Н. Татищева и немецкого ученого Байера, работавшего некоторое время в Академии Наук и в своих «трудах» извращавшего историю русского народа. Татищев изображен в ней учеником Байера, послушно шедшим за своим учителем в решении исторических и историко-этнографических вопросов. В действительности же, пользуясь материалами Байера и излагая их, В. Н. Татищев отнюдь не разделял его построений и теорий. В «Истории Российской» Татищев писал о Байере, что тот «со избытком к умножению прусских, а к уничижению русских древних владений пристрастным себя показал, что я видя многое из его сказания извергнуул». Ясны были Татищеву и недостаточные знания Байера в русской истории и географии: «Беер русской истории не читал, а что ему переводили, то неполно и неправо»⁹. «Беер как историй русских и географий не был достаточно сведом»¹⁰, «ему руского языка, следственно и русской истории, не доставало»¹¹. Излагая самые материалы Байера (переводы византийских хроник и скандинавских писателей), Татищев корректировал их и вносил свои поправки («я сие Беера сочинение в некоторых местах сократил... инде же его речения, яко недовольно знающего русской язык и историю, переправил») ¹². В критике Байера Татищев выступил предшественником Ломоносова. Татищев начал борьбу с норманской теорией, Ломоносов продолжил и завершил ее.

Столь же критическим было отношение Татищева и к другому столпу современной ему западноевропейской науки, — Страленбергу, специалисту по Азиатской России, автору труда «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» (1730). Татищев считал необходимым использовать материалы, собранные Страленбергом в этой книге. По его поручению был сделан даже ее частичный перевод¹³. И вместе с тем Татищев не относился слепо к авторитету Страленберга. В 1732 г. он составил 36 примечаний на его книгу¹⁴. Позднее Татищев вновь вернулся к разбору Страленберга и дал уже 125 примечаний¹⁵. Татищев писал, что к «изъяснению древностей нужных языков, никакого знания, ни прилежания европейцы не имеют, и пользы оных не знают, и от того в рассуждениях немало погрешают, что в Страленбергове книге описания Татарии со избытком видимо, что он, не зная нужных языков, странные и несогласные с истинною имен произвождения наклал»¹⁶. Указывая,

⁸ «Материалы для истории Академии Наук», т. IV, СПб., 1887, стр. 98.

⁹ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, Имп. Моск. ун-т, М., 1769, стр. 267.

¹⁰ Там же, кн. 1, ч. 1, стр. 89.

¹¹ Там же, кн. 1, ч. 2, стр. 260.

¹² Там же, кн. 1, ч. 1, стр. 213.

¹³ Хранится в Ленингр. отд. Института Истории (ЛОИИ), № 358. Архив АН СССР (в дальнейшем цит. ААН), разр. III, оп. 1, № 384.

¹⁴ Примечания к книге г-на фон Страленберга «Северная и Восточная Азия».

¹⁵ Библиотека АН СССР (в дальнейшем цит. БАН), рукописн. отд., шифр. 17.9.17.

¹⁶ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 1, стр. XXVI.

по Страленберг жил в Тобольске, Татищев не без иронии подчеркивал, что «русской язык надлежало бы ему гораздо основательнее знать»¹⁷.

Привлекая данные иностранных авторов, Татищев всегда старался подвергнуть их проверке, если к этому представлялась возможность. Так, сделав выписки о тунгусах и бурятах из работ ряда западноевропейских путешественников и писателей (А. Брант, Л. Ланг, Страленберг, *Das allerneueste Staat von Sibirien*), Татищев послал их в Иркутск, где и были сделаны замечания на полях выписок, а также сделаны дополнения о «местных якутах»¹⁸. На экземпляре таких же выписок Татищев сделал и собственные критические замечания¹⁹.

Особо острой критике подвергал Татищев теории и гипотезы западноевропейских писателей, в которых он видел уничижение русской истории и русского народа. В иностранных работах, указывал он, «на русское государство многие лжи и злобные поношения и клеветы находятся»²⁰. Справедливой критике Татищев подверг словопроизводство имени славян от *Slaven* — рабы. «Оного ни по какой гистории доказать не можно,— писал Татищев,— чтоб сей народ когда либо от кого завоеван и в неволе содержан был, но паче всегда, хоть под разными именами... в делах военных имуществвах славимы были...»²¹

Практическая деятельность Татищева непрерывно сталкивала его с вопросами этнографии. Урал, Оренбургский край, Астраханская губерния раскрыли перед ним все многообразие национального состава Российского государства. Уже на Урале Татищев знакомится с башкирами, вогулами (манси) и другими народностями. Организация управления краем, деятельность по созданию горных заводов связываются у Татищева с изучением края, его населения, его культуры и быта, его истории. То же продолжается и в Оренбургском крае и Астраханской губернии. Татищев ясно представлял себе всю сложность и пестроту национального состава Русского государства, разнообразие населения и отношения культуры, быта, религии, языка. «Между монархиями видим несколько государств, а паче наша Россия не токмо разных исповеданий христиан, но магометан и язычников многим числом наполнена»²². Значительное число деловых бумаг Татищева посвящено именно вопросам экономики и культуры, быта и религии тех народностей, с которыми он сталкивался. Так, уже в 1721 г., посланный Петром в первый раз на Урал, Татищев представляет доношение из Уктуса о необходимости организации там годовой ярмарки. «На сие, как я слышал от многих купцов сибирских и российских, что с великою охотою желают об оном... Також башкирцы и прочие народы, которые здесь в близости, весьма с охотою будут приезжать, из чего пошине прибыток, оные же в лучшую любовь и обхождение придти могут»²³. Характерна для Татищева эта постановка вопроса о сближении русского населения с другими народностями. Передовой русский ученый XVIII в., сторонник просвещения и веротерпимости, Татищев утверждал, что «разность вер великой в государстве беды не наносит», религиозные распри «ни от кого более как от попов для их корысти, а к тому от неверных ханжей или несмысленных набожников происходят, между же людьми умными произойти не могут, понеже умному до веры другого ничто касается и ему равно люют ли, калвын ли, или язычник с ним в одном городе живет, или с ним торгуется, ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав, и потому с ним

¹⁷ БАН, рукописн. отд., 17, 9, 7, л. 5.

¹⁸ ААН, ф. 21, оп. 5, № 149, лл. 348—367, 410—416.

¹⁹ Н. Попов, Указ. раб., стр. 705—716.

²⁰ «Материалы для истории Академии Наук», т. III, СПб., 1886, стр. 257.

²¹ БАН, рукописн. отд., 17, 9, 7, стр. 8—9.

²² «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», 1887 г., кн. I, р. 72.

²³ «Записки русск. географич. общества», кн. III, 1863, стр. 113—114.

обхождение имеет». Такова теоретическая постановка вопроса, что же касается истории России, то и здесь «от разности вер вреда не имели» и народы Российской империи не раз помогали русскому народу, как, например «во время великого в государстве междоусобного смятения и от поляков разорения»²⁴.

В донесениях Татищева из Оренбурга и Астрахани содержится значительный материал о народностях Оренбургского края и Астраханской губернии. В частности, отметим такие документы, как постановление «о рыбных ловлях для калмык» (январь 1742 г.), доклад Татищева Елизавете Петровне об астраханских татарах и волжских казаках (ноябрь 1743 г.) и «мнение об астраханских, юртовских и степных татарах»²⁵.

Наконец, особенного внимания заслуживает такой документ, как «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной»²⁶. Татищев писал это «рассуждение» в связи с производством второй «ревизии» (переписи населения) в 1742 г. Первая была при Петре, и за 25 лет протекавшие за это время, население России изменилось и в количественном отношении и в отношении национального состава (был присоединен ряд земель). Рассуждение Татищева представляет собой целый ученый трактат, содержащий 87 пунктов, касающихся самых различных вопросов, связанных с переписью как русского, так и инонационального населения.

Практическая деятельность, связанная с организацией управления народностями Российской империи, толкала Татищева и к непосредственному изучению самих народностей, их быта и культуры, языка и религии. В рамках статьи трудно исчерпывающе осветить всю многообразную научную деятельность Татищева, так или иначе связанную с вопросами этнографии. Остановимся лишь на важнейших работах и датах.

В литературе о Татищеве, а также в специальной этнографической неоднократно указывалось на значение анкеты Татищева²⁷. Анкета Татищева явилась первой в истории не только русской, но и мировой науки, программой собирания этнографического материала — и не только этнографического, но и естественно-исторического, археологического, исторического и т. д.

В первой редакции анкета, написанная в 1734 г., состояла из 92 вопросов. Татищев отправил ее в Академию Наук и уже в конце 1734 г. торопил ответом: «О вопросах для известия о народах идолопоклоннических прошу меня уведомить, что по тому зделано»²⁸. Не дождавшись ответа Академии Наук, Татищев сам разослал анкету по губернским и провинциальным канцеляриям Сибири и Казанской губернии и вскоре начал получать ответы с мест. В 1737 г. Татищев составил вторую редакцию анкеты (198 вопросов), разослав ее вновь на места. Татищевская анкета и сейчас поражает всякого, кто знакомится с ней, исключительной широтой и полнотой охвата вопросов, а также методической рекомендуемой для изучения поставленных вопросов²⁹.

²⁴ «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», 1887 г., кн. I стр. 71—72.

²⁵ Опубликованы в книге Н. Попова «Татищев и его время», стр. 635—640, 646, 648 и 649—655.

²⁶ Там же, стр. 716—758.

²⁷ См. например, А. И. Андреев, Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибирь. «Советская этнография», 1936, № 6; С. А. Токарев, Вклад русских ученых мировой этнографической науку, «Советская этнография», 1948, № 2.

²⁸ ААН, ф. 121, оп. 2, № 130.

²⁹ См. В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1939, стр. 77—95, а также Н. Попов, Указ. раб., стр. 663—696. Дату 1737 г. (составлена второй редакцией анкеты) дает А. И. Андреев в вводной статье к сборнику «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России», стр. 12. Е. Г. Шапот в своей работе дает дату 1735—1736 гг. — автореферат «В. Н. Татищев и его деятельность в области русской географии». Л. 1950, стр. 8.

В анкету входят вопросы о названиях и самоназвании народа, его территории, занятиях, происхождении, религии, народной медицине, обрядах и обычаях при рождении, браке, погребении, его языке и фольклоре и т. д. Все это рекомендуется спрашивать «без принуждения, но паче ласкою и чрез разных искусных людей, знающих силу сих вопросов и язык их основательно, к том же не одна, но чрез несколько времени спрашивать от других»³⁰. Записывающим слова того или другого народа Татищев дает ряд советов для того, чтобы сделать записи наиболее точными.

Материал с мест, собранный В. Н. Татищевым в ответ на его анкету, до настоящего времени не опубликован, не изучен и даже не описан полностью³¹. По своему характеру материал далеко не равноценен. Наряду с формальными отписками имеются ценнейшие подробные ответы. Имеются, наконец, небольшие специальные статьи по отдельным вопросам³².

Собирая материал с мест путем посылки анкеты, Татищев и сам производил наблюдения над бытом и культурой различных народов, беседовал с представителями этих народов, доставал различные памятники и документы. В своих трудах Татищев лишь только частично использовал свой собственный, так сказать, полевой материал, но и то, что Татищев сохранил и воспроизвел в своих работах, поражает и сейчас меткостью наблюдения, вниманием к этнографическим деталям и мелочам. Особенно замечательна в этом отношении глава I тома «Российской истории», посвященная «чинам и суеверствам» древних народов.

Не ограничиваясь рассказом о древности, Татищев сообщает материалы о современных ему народах, в частности об обрядах, которые он наблюдал «(1) при рождении, (2) в наречении имени младенцу, (3) при браках, (4) при погребениях»³³. Для характеристики этого материала воспроизвожу рассказ Татищева о свадьбе у башкиров. «Один знатной башкирец, уведав, что я из Кунгура намерен ехать в Сибирь на заводы и путь мой был не далеко от его жилища, просил меня, чтоб я к нему на свадьбу сына его заехал, присроча 15 мая, что я из любопытства, а паче для приласкания их учинил, и оною числа к нему ввечеру приехал, где было собранных татар со оружием человек с 40. Поутру, как стало рассветать, жених со всеми оными поехал к невестинной деревне, которая в расстоянии была верст с 10, при том и я от себя послал толмача для надзирания поступков. Батырь, или предводитель, яко главные над тем собранием, послал от себя одного наперед, которой поворотясь встретил и сказал, что невеста в поле гуляет. Батырь, подъехав близ той деревни со всеми людьми, остался в леску, а жених с тремя человеки и заводною лошадей, увидя невесту, которая с несколькими женщинами по полю ходила, обскакав тотчас ухватя на заводную лошадь посадил, и как могли, скоро возвратно скакали. Тесть, услыша вопль бывших с нею женщин, ударил в бубны, и собранных у него человек до

³⁰ Н. Попов, Указ. раб., стр. 690.

³¹ Небольшие извлечения из анкетного материала напечатаны Н. А. Поповым (Указ. раб., стр. 569—577 и 696—704), В. В. Радловым («Сибирские древности», вып. 1, Приложение, стр. 140—146) и А. И. Андреевым («Советская этнография», 1936, № 6, стр. 99—103). Краткое описание анкетного материала, хранящегося в Архиве Академии Наук СССР, дано В. Ф. Гнучевой (Указ. раб., стр. 43). Анкетные материалы, кроме Архива Академии Наук СССР, хранятся также в архиве Ленинградского Отделения Института истории и в рукописном фонде Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

³² К числу таких статей можно отнести «Объявление о деревне Батемировке и о состоянии в ней живущих черемисов» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 149, лл. 368—383 об.), «Описание о черемиском народе, которые живут в Верхотурском уезде при речке Бисерте» (там же, лл. 384—398 об.), «О Камчатке и об Охотске» (там же, лл. 417—426) и некоторые другие.

³³ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, стр. 577.

30 в панцерех и с ружьем за оными погнали. Жених как скоро к дому своему приехал, невесту сняв с лошади, ввел в избу, где мать его и другие жены на коврах более 20 сидели. Невеста, как ей свекровь указали, упала перед нею на землю, и со слезами просила, которую свекровь пред собою посадила, и тотчас стали ее разбирать. Батюшка с войскам остановился на краю деревни, приготовясь к бою. Тесть, прискакав с своими, вооружался против оных, но учинили пересылку, которая с час продолжалась. Между тем жених с невестой по прочтении абысом молитвы, отведены в особый покой, где их желания исполнили, и потом тесть со многими людьми приехал к дому. У крыльца и покоя привязаны были бык да лошадь. Тесть подъехал с голою саблею, якобы во отмщение обиды, пересек лошади шею, а шурин быку, и оных тотчас стали резать, и обед готовить, для которых у жениха довольно было кумыса и бузы приготовлено, а я дал пять ведр вина. Зять тестя встретил у крыльца, и просил прощения, а тесть замахивался на него саблею, однакож все видно было притворное, и потом помираясь пошли в избу, где женщин не было, и провождали пир с веселием, а женщины были гощены во особой избе, куда и мать невестина пришла. Я спрашивал о причине сего притворного увоза, то сказали, что жених богат, а тесть небогат, и отец его не давал столько калыма как большому его брату, а жениху казалось стыдно за малый калым жениться, то с тестем о увозе договорился за 50 рублев».

Не менее интересны наблюдения и замечания Татищева в той же главе об обрядах при рождении у русских, грузин, калмыков, наблюдения о покупке и краже жен у татар, о «родстве и свойстве» у татар и калмыков, наконец, о погребении и «музыке церковной»³⁴.

В «Примечаниях на Сибирскую историю» Миллера Татищев рассказывает о своих беседах с вогулами (манси), в частности о происхождении названия реки Туры³⁵.

Татищев собирает на местах и присылает в Академию Наук различные материалы, документы и древности о быте и культуре народов Российской империи. Так, по «Реестру чертежам и прочим вещам присланным в Академию Наук от тайного советника Василья Никитича Татищева» значится: «71) лист, а на нем изображены две женщины донских казаков, а при одной мальчик, 72) лист, а на нем представлены татарская девка в венешнем платье, татарская женщина в обыкновенной одежде, и притом еще две татарские бабы, а при них три мальчика, 73) лист, а на нем изображены две новгородки да одна мордвинка»³⁶. Характерно, что и в своей анкете Татищев требовал присылки изобразительного материала. «При описании каждого народа состояние телес обшественное нужно описать: крупен или мелок или широк; плечи, лица широкие, круглые, цветом серые, черные или белые; носы острые или круглые, покляповатые или плоские, волосы черные, русые, белые или рыжие и как долги; имеют ли нос, рот большой, губы толстые или средние, цветом смуглы или белы, желты; платье, обувь и убранство обыкновенное и уборное, как мужчин, так и женщин, особливо девок невест, яко и женихов при браке. Сие все как наиболее находится и весьма бы изрядно было, ежелиб, где живописца сыскав, оных смалевать»³⁷.

В 1736 г. Татищев присылает в Академию Наук «чертежи обретенного в степи старинного Обланского монастыря и идол древнего писма»³⁸, а в 1739 г. — ряд материалов по этнографии и истории калмы-

³⁴ Там же, стр. 577—599.

³⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 817, л. 245.

³⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 20, лл. 494—497 об.

³⁷ Н. Попов, Указ. раб., стр. 696. Также «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России», М. 1950, стр. 95.

³⁸ «Материалы для истории Академии Наук». т. III, стр. 305.

ков, среди них: «1) о вере, как сообщила княгиня Тайшина; на оное примечание обретающегося при ней священника; 2) повесть о Кутухте Гуселаме, с его ж примечаниями; 3) чудеса книги их Доржи Зодбы; 4) перевод с грамоты Далайламы к хану Черень Дундуку; примечания писаны по сказанию переводчика, но тот же священник ко исправлению оных свои сообщил; 5) церемония в принятии той грамоты; 6) ответ княгини Тайшиной на заданные гисторические вопросы; 7) 2 родословные росписи калмыцких ханов рода Торгоутов и Дюрбетов; 8) уложение калмыцкое с переводом, и на то изъяснение в письме того ж священника; 9) система мира по калмыцкому мнению, и с начертанием; 10) характеры, каковы калмыки для разных причин при себе написанные носят...»³⁹

Большой материал о восточных тюрко-монгольских народах, основанный на личных наблюдениях и беседах с представителями этих народов, помещен Татищевым в I томе «Российской истории». Однако Татищев прекрасно сознавал, что этот материал еще представляет первые разведки в совершенно неизученной истории и этнографии восточных народов Российской империи. «Все сие по сказаниям вероятных людей и историй хотя неколико изъяснения к лучшему понятию и разумению способствовать может, однако многое еще недостаточно, не ясно, или сумнительно», — писал он. Помещенный материал, считал Татищев, нуждается в дополнительной проверке, которую он и собирался предпринять после написания «Истории Российской». «Для того дал я бывшим в Оренбурге бухарцам, хивинцам и пр. записки, чего они имеют в их историях, а при том чтоб старались старинные истории, на каком бы языке ни были, не опасаясь цены, купить и привести...»⁴⁰

В ряде случаев Татищев сам проводил проверку переводов. Так, получив от Академии Наук рукописный перевод истории Абулгази-хана, Татищев нашел, что она «неправильно с татарского переведена: многие имена за недостатком букв перепорчены, и во многом переводчик русский нагрешил»⁴¹.

Придавая большое значение переводам с восточных языков, Татищев организовал в Самаре специальную школу для татар и калмыков, где, по его указаниям, начали заниматься и переводами. Большую деятельность развернули здесь П. И. Рычков и Кир. Кондратович. Вдохновлял их и руководил всей их работой Татищев⁴².

Помимо ряда переводов, П. И. Рычков написал и послал Татищеву и свои собственные работы: «Краткое описание известий о татарах» и «О торгах русских и промыслах». На первый труд Татищев откликнулся обширной рецензией, озаглавив ее «Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно»⁴³; с похвалой отозвался Татищев и о второй работе Рычкова⁴⁴.

Деятельность К. Кондратовича ознаменовалась составлением словарей. Как говорится в одном академическом доношении, К. Кондратович составил «лексиконцы или дикционеры: татарско-русский, вотяцко-русский, чувашско-русский, черемисско-русский. Все ж оное переводил и собирал по увещанию... тайного советника Татищева»⁴⁵. К этим «лек-

³⁹ «Материалы для истории Академии Наук», т. IV, стр. 41.

⁴⁰ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, стр. 282.

⁴¹ «Материалы для истории Академии Наук», т. VIII, СПб., 1895, стр. 248.

⁴² О деятельности П. И. Рычкова и К. Кондратовича имеются работы акад. П. Пекарского: «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова» (СПб., 1867) и «Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия» («Современники» 1858, № 6).

⁴³ Опубликована П. Пекарским в книге «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова», стр. 162—166 и в издании «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России», стр. 229—233.

⁴⁴ ААН, ф. 141, оп. 1, № 5, л. 20.

⁴⁵ «Материалы для истории Академии Наук», т. IV, стр. 385.

сиконцам» следует добавить также и «дикционер остячко-русский», и «дикционер вогулицко-русский»⁴⁶. С работой К. Кондратовича, видимо, связана и рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, на которую недавно обратила внимание А. П. Аверьянова⁴⁷. Рукопись имеет заголовок «Ведомость сочиненная в Тобольску по именному е.и.имп. велич. указу присланному из кабинета и по определению тайного советника господина Татищева потребное к сочинению истории» и содержит словари «тобольского татарского языка», нарымских остяков и тарских татар. Татищев и сам работал над составлением словаря языков народов Российской империи («всех подвластных России языков»), не закончив, однако, его, а также над составлением славяно-русского лексикона, в который включил и «иноязычные» слова, вошедшие в русский язык. В 1739 г. он обратился к Академии Наук с предложением: последний лексикон, «напечатав на писчей бумаге, во все разные языки разослать, и те языки к тем печатным приписывать, обещая трудящимся достаточное награждение, чрез что можно б в краткое время всех российских подвластных языков полный лексикон сочинить»⁴⁸.

Предложение Татищева осталось неосуществленным, и лексикон его был погребен в стенах Академии Наук. Он имеет следующий любопытный заголовок: «Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которого выбраны токмо такие слова, которые в простом народе употребляемы»⁴⁹. Кончается лексикон словом «покой». В лексиконе даны разные значения одного и того же слова, например «ведро, сосуд; ведро, погоднее время», «покой, покойное житие; покой, изба с жилищем». Лексикон содержит и методические указания о записи «иноязычных слов», аналогичные указаниям в анкете.

Вопросы языкознания в общей системе взглядов В. Н. Татищева занимали видное место. Связаны они были в его понимании теснейшим образом и с вопросами этнографии. «Весьма нужно всех иноземных подданных российских народов разность и согласие языков знать, дабы их происшествие знать и древность рускую изъяснить», — писал Татищев, посылая свой лексикон в Сенат⁵⁰.

Теоретическое обоснование такой постановки вопроса дано им в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ». В языках «иноземных подданных» «весьма нужное до истории полезное находим»; языковый материал указывает, «где прежние их обиталища были», ибо «когда звание городов, рек, озер их языка в тех местах остались, то наипаче оное утверждается»⁵¹.

Языковый материал, по Татищеву, играет важнейшую роль не только в разрешении вопросов древних «преселений» народов, но и в вопросе самого «происшествия» народов, т. е., выражаясь современным языком, в вопросах этногенеза (об этом ниже).

Составление словарей и изучение языков народов России имело для Татищева и другое значение. Татищев был сторонником сближения этих народов с русскими, усвоения ими русской культуры, русской веры. Татищев указывал, что если такие словари напечатать, «то нашим проповедникам в тех народах немалая польза быть может»⁵².

Современная ему практика крещения «иноподданцев» не удовлетворяла Татищева. Острую и меткую характеристику ее методов и результатов

⁴⁶ Н. Попов, Указ. раб., стр. 582.

⁴⁷ «Вестник Ленинградского университета», 1950 г., № 7, стр. 51.

⁴⁸ Н. Попов, Указ. работа, стр. 582—583.

⁴⁹ Хранится в БАН, рукописн. отд., шифр. 32. 13. 14.

⁵⁰ ААН, ф. 95, оп. 5, № 3.

⁵¹ «Чтения в Московском об-ве истории и древностей российских», 1887 г., кн. 1, стр. 106.

⁵² ААН, ф. 3, оп. 1, № 617, стр. 249.

дает он в «Разговоре двух приятелей», «Да хоть и крестят, как то Филофей, архиепископ Сибирский, по сказанию его, многие тысячи остояков⁵³ крестил, но когда посмотрим, то видим, что он более сделал, как их перекупал, да белые рубашки надевал; и оное в крещение причел. Оное согласно ль с Христовым о крещении повелением не знаю, ибо Христос учит: всяк, иже веру имеет и крестится, спасен будет, для которого апостолом повелел перво научить, а потом крестить, сии же сами русского, а крестьящие их языка не зная учили их чрез толмачей. И как те крестители с тою честью в дома возвратились, так крещение скоро все забыли, и что верят не знают».

Татищев — сторонник иной практики. «Для сего весьма нужно школы такие устроить, чтобы русские младенцы их языка, а их младенцы русской грамоте, языка и закона божия учиться возможность имели». Тем самым можно будет изменить и быт этих народов и их «к домовному житию приучить». С явным одобрением отзывается Татищев о Швеции, где «лапландцы» не только окрещены, но где «для них книги на их языке напечатаны». А ведь «лапландцы, что у нас и гораздо дичее, нежели мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы и прочие», и последних «весьма легче научить». Все это можно сделать, но при условии знания языков этих народов и обратно — при условии усвоения этими народами русского языка, а без знания языка «ничего полезного учинить в них невозможно»⁵⁴.

Сообразно с этим Татищев предлагал организовать целую сеть (по тому времени) школ для изучения «нужнейших» языков. В Казани, Тобольске, Астрахани и Оренбурге должны быть открыты школы для обучения татарскому языку, в Петербурге, Архангельске, Казани и Тобольске — для обучения сарматским языкам (так Татищев называл, главным образом, финские языки), в Астрахани для обучения калмыцкому языку, в Иркутске и Нерчинске — «мунгальскому и тангутскому», и наконец, в Якутске и Охотске — «северным и камчадалским»⁵⁵.

В одном из своих донесений в Сенат из Астрахани Татищев в 1741 г. писал: «При прежних, порученных мне делах трудился я о сочинении российской истории и географии, и через 21 год не мало собрал»⁵⁶. В 40-х годах XVIII в. Татищев как бы подводит итоги этой собирательской работы и создает несколько обобщающих трудов. К числу их относятся: «Краткая Российская география» (другой заголовок «Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи»), «Россия, или, как ныне зовут, Россия», «Лексикон Российской». В эти же годы продолжается работа и над «Историей Российской», основным трудом Татищева, начатым еще в 20-х годах.

В своих географических трудах Татищев использовал самые разнообразные источники, собиравшиеся им в течение 20 лет. Здесь и анкетный материал — ответы провинциальных и губернских канцелярий на разосланные анкеты, и литературные источники (труды русских и иностранных авторов по географии и истории России), и рукописный материал по отдельным вопросам, присланный Татищеву из разных мест (в том числе и материалы Рычкова), и, наконец, показания отдельных лиц, в том числе и «инородцев». С последними Татищев, как мы уже отмечали, часто встречался и беседовал. Недаром и в «Разговоре двух приятелей...», говоря о своих расспросах «остяков, самоедов и т. п.

⁵³ В тексте явная опечатка, напечатано «вотяков».

⁵⁴ «Чтения в Московском об-ве истории и древностей российских», 1887 г. кн. 1, стр. 106—107.

⁵⁵ Там же, стр. 104.

⁵⁶ Н. Н. Пальмов, К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева, «Известия Академии Наук, Отделение гуманитарных наук», 1928, стр. 321.

наших язычников», он подчеркнул: «как то мне неоднократно случалось»⁵⁷.

В своих географических работах, исходя из своего понимания географии, Татищев дает и этнографический материал. Уже в работе 1736 г. «Общее географическое описание всеа Сибири» Татищев целую главу предполагал написать «О жителях сибирских»⁵⁸. Татищев собирался в этой главе «все народы порознь описать». До нас дошел лишь небольшой отрывок, в котором Татищев излагает свои соображения о названиях народов у Геродота⁵⁹.

В «Краткой российской географии» девятая глава озаглавлена «О жителях Великороссийской империи» и содержит материал о 42 народах. О задачах этой главы автор скромно пишет в самом начале: «...в великой империи, по крайней мере, т. е., таких, кои из описания ведомы, 42 народа находятся. Всех сих начала и происхождения описывать дело великого труда и сведения... требуют весьма пространного описания, которое без перевода татарских, персидских, черкесских и грузинских гисторей основательно сочинить неспособно. Того ради, доколе обрящутся вышеписанные способы о народах древле в сих местах живущих, которые или еще ведомы и в иных местах или под именами других находятся или весма без остатка погибли и из имеющихся у меня манускриптов ...прилагаю краткое описание, дабы впредь обстоятельную гисторию или географию, сочиняющему чрез то подать некоторой способ и руководство...»⁶⁰ Таким образом, сам Татищев рассматривал эту главу как некоторый предварительный материал для последующих подробных описаний. Подчеркнем, однако, что при всей краткости сведений, которые даются в этой главе, это была первая попытка дать полный перечень народностей на территории Российской империи с указанием на их исторические судьбы.

Более обстоятельный материал об этническом составе Российской империи, и при этом материал, скомпонованный в определенных теоретических и практических целях, дан в работе «Россия или, как ныне зовут, Россия»⁶¹. По существу это специальный историко-этнографический очерк. Автор начинает с «древнего имени» России, в которой имеется множество «различных, прежде живших и ныне находящихся народов и вер». Вторая часть работы посвящена «настоящей России». Кроме таких разделов, как воды, границы, подземные богатства, фабрики, «о довольстве от животных», «о житах и овощах», «горы знатные», степи или пустыни, автор дает административное деление Российской империи с перечислением народностей и небольшой раздел «о верах».

Административное деление, какое дает Татищев в своей работе, не сходится с официальным административным делением того времени. По существу это проект Татищева, о котором он писал, что «звания губерниям, провинциям и городам положены древние с новыми, для лучшего знания и памяти древней истории и титула императорского». Проект этот уже привлек внимание современных исследователей. Нельзя не согласиться с соображениями Л. Е. Иофа, который, указав, что в императорском титуле перечислялись области и народности, постепенно входившие в состав России, и, что, таким образом, титул в некоторой мере «отражал процесс территориального и национального фор-

⁵⁷ «Чтения в Московском об-ве истории и древностей российских», 1887 г., кн. 1, стр. 47.

⁵⁸ А. И. Андреев, Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири, «Советская этнография», 1936 № 6, стр. 94. «Общее географическое описание всеа Сибири» впервые опубликовано в сборнике «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России», стр. 36—42.

⁵⁹ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 37, 70—72.

⁶⁰ Там же, стр. 173—174.

⁶¹ См. там же, стр. 107—135.

мирования Российской Империи», высказал предположение, что «требование отражения в административном делении императорского титула практически сводилось к требованию учета географического размещения народностей в административном делении, с чем абсолютно не считались при установлении губернских и уездных границ»⁶². Добавим, что дело было не только в императорском титуле. Проект Татищева дает и такие административные единицы, которые не были связаны с императорским титулом. Да и сам Татищев подчеркивал: «для лучшего знания и памяти древней истории и титула императорского...» Проект Татищева должен был связать «древнюю Россию» и «нынешнюю Россию» и дать такое административное деление, которое отразило бы весь процесс формирования Российской империи.

Значительный историко-этнографический материал дан Татищевым в «Лексиконе российском...» Лексикон был доведен до буквы К и издан же после смерти автора, в 1793 г., под названием «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым». Для характеристики этнографического материала даем в извлечениях две статьи. «Вогуличи, сами овутся Манчи, народ Сарматской, видом более подобны осяткам самоедам, ростом малы и более толсты, одежда из кож зверей, обитают в горах Пояса и по всей провинции Угорской по лесам, многие из них крещение восприяли и живут деревнями, но в содержании пищи для недостатка жить имеют вольность и более питаются зверми рыбами... Вогуличи же имеют идолов, токмо их не токмо числа, ни мян сказать не можно, ибо все, что ему видением полюбится, за бога ли вещество святое и умное почтет, например, пуговица медная, оную зложу, пред нею кланяется, и от нее милости просит, называя ее аким либо имянем, и есть ли ему тот день, что полезное учинится, то злого чтит, если ж хотя мало что противно, то изломает и бросит, когда возмет какую чурку дерева, обертит в лоскуток и оную почитает, кормит или паче мажет пищею, також звериные кожи, а наипаче всех едведя почитают, и убив кожу ростянут, молятся иной сошедшись ножеством, мнится, во убийстве его извиняются, возлагая всю вину на русских, мясо же с благоговением ядят. Их год начинается в новомесеце как снег сойдет, тогда во множестве народа празднуют приношением жертвы, что у кого случится...»⁶³ «Кара калпаки. Татарский народ; ая значит черные шапки; живут великими деревнями при Аральском орце, от реки Сыр... неколико же их кочует и по южной стороне косах, или между заливами и по островам, которые более от рыб зверей питаются; имеют особногo хана; народ не столько о войне, млико о домоводстве прилежат, от чего они имеют множество жит скота. Токмо от киргиз-кайсака терпят беспокойство, и для того они в 1740 году просили, чтоб их принять в российское подданство; что им оупущено, и они все знатные с ханом в верности присягу учинили»⁶⁴.

В таком же плане даны статьи и о других народах — абхазах, башкирах, болгарях, «бухарах», кабардинцах и т. д.

«Лексикон российский...» был первым опытом создания в России энциклопедического словаря. Значительное место в этой энциклопедии заняла и этнография. Статьи этого раздела, несмотря на свою краткость, давали основные данные о расселении того или другого народа, о занятиях, вере, наконец, краткую историческую справку.

Большое внимание вопросам этнографии Татищев уделял и в картографических работах. Правда, собственных этнографических карт

⁶² Л. Е. Иофа, Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в., М., 1949, стр. 77.

⁶³ «Лексикон Российской», ч. 1, СПб., 1793, стр. 252—255.

⁶⁴ «Лексикон Российской», т. III, стр. 51.

у Татищева нет, но подход к созданию таких карт виден из его переписки с Академией Наук, связанной с созданием академического «Российского Атласа». В 1737 г. в «промемотии» в Академию Наук Татищев предлагал сочинить «генеральную и достаточную инструкцию», а в качестве составной части инструкции для «описания иноязычных народов» включить всю его анкету⁶⁵. Эти соображения не были приняты во внимание, и в 1745 г., уже после выхода «Российского Атласа», недовольный Татищев писал: «...народы обитающие не означены; и сие, мнится, весьма нужно исправить»⁶⁶. И обратно — об одной из частных карт, карте Волги, составленной капитаном Елтоном, Татищев, с удовлетворением писал: «место поселения крещеных калмык правильно положено»⁶⁷.

Особую группу составляют в работах Татищева вопросы исторической этнографии и, в частности, вопросы этногенеза. Этими темами историк занимался с необычайной любовью, и достижения его в этом направлении были для своего времени очень велики.

Татищева с полным правом можно назвать создателем исторической этнографии в России. Крупнейшее значение в этом отношении имеет первая часть «Истории Российской». Об ее направленности прекрасно рассказал сам Татищев в своем письме к Ганвею в 1745 г. «Вам известно, что почти тридцать лет, как я предпринял писать русскую историю, которую намереваюсь теперь окончить, и затем надеюсь, что она будет вскоре издана в свет к удовольствию ученого мира. Эта история тем выше оценится любознательною частию человеческого рода, что никем из греческих и римских историков, а также в нескольких географических описаниях, на сколько они дошли об этом государстве, не сообщено нам известий о настоящем языке и пр., о важнейших народах, именно: славянах, скифах, ни об амазонах, вандалах, готах и кимбрах, которые от них произошли; равным образом нет у нас полных сведений о гуннах и аварах. Великая отдаленность мест и незнание языков затрудняли получение верных о том известий. Здесь можно также прибавить, что у греков была такая страсть к басням, что вместо заботливого разыскания истины, они еще более затемняли историю, чему служит доказательством повесть об амазонках. Обо всех этих народах, я, сколько было возможно, старался представить ясные и обстоятельные известия, которые и составляют первую часть моей истории»⁶⁸.

Вопросы происхождения народов, живущих или живших на территории Русского государства, их этнические связи и классификация — центральные вопросы I части «Истории Российской». В постановке этой темы Татищев порывает с давней историографической традицией, возводившей происхождение современных европейских и других народов к библейской легенде о Ное и его сыновьях. «Сие же когда тако рассудить, что все народы, колико их разных званий было и есть, по уверению Моисееву, от единого Ноя и его сынов произошли; но чтобы можно сказать, кто от которого сына пошел, оное весьма сумнительно; ибо чрез так много 1000 лет народы преходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить принуждены были»⁶⁹. Критикует в этом отношении Татищев и «Повесть временных лет». Нестор заимствовал эту легенду «от некакого греческого, но не весьма в географии искусного писателя». Историк, подходя с приемами исторической критики, не может принять эту легенду, так как «от древних и могущих

⁶⁵ «Материалы для истории Академии Наук», т. III, стр. 500.

⁶⁶ Там же, т. VIII, стр. 259.

⁶⁷ Там же, т. III, стр. 724.

⁶⁸ См. П. Пекарский, Новые известия о В. Н. Татищеве, СПб., 1864, стр. 5.

⁶⁹ В. Н. Татищев, История Российская, кн. I, ч. 2, М., 1769, стр. 431.

хотя бы по преданиям ведать ничего о том не имел»⁷⁰. Столь же отрицательно относится Татищев и к легенде о Мосохе, как праотце славян⁷¹, и к легендам о трех братьях — Чехе, Ляхе и Русе — и Славене. «Иные же когда своего или другого народа не зная от чего имя произошло, и не потрудясь о деривации или знаменовании древних языков, тотчас в неизвестной древности владетеля имя зделали, и от того родословие непрерывное сложили... Чехи и поляки вымыслили трех братьев, Чеха, Ляха и Руса, наш новгородец князя Славена и других славных имен, которые басни от самых тех сложений лехко обличаются»⁷².

Как основу классификации народов и важнейший источник для изучения происхождения народов Татищев рассматривает язык. «Доказывать языками» «происшествие народов» «есть между всем наилучший способ», — пишет Татищев⁷³.

Буржуазная историография выдвигала в свое время Шлецера как ученого, впервые поставившего в России вопрос о языке как основе этнографической классификации⁷⁴. Между тем приоритет в этом отношении бесспорно принадлежит Татищеву. Шлецер уже шел по стопам замечательного русского ученого, используя между прочим словарные материалы Татищева⁷⁵.

Подробное обоснование нового подхода к вопросам этногенеза дано в «Разговоре двух приятелей...» Сходство в языках дает возможность объединять языки, вместе с тем и народы. Группа языков ведет свое происхождение от одного языка. Татищев первый в России обратил внимание на необходимость сравнительного метода в языкознании, подчеркнув его значение для исторической этнографии. «Но что из одного многие разные языки произошли, то по сходству в языках многие познаются, что прежде были одного, или по случаю один другого многие слова прирав, свой собственный потеряли». В качестве примера Татищев берет славянские языки. «Но протчих отставя, представляю своих славян, от них же произошли сербы... болгары...»; дальше Татищев перечисляет «долматов, славонов, кроатов, моравов, чехов, поляков, русских». «Все они, как видимо, от начала одного рода были; но потом в речении так далеко друг от друга разделились, что один другого, без долговольного учения или долговременной привычки, разуметь не может; многие же совсем свой язык погубя, чужим говорят, а многие от иных родов, разными случаю к ним присвося, не токмо нашим языком говорят, но и отродие свое чрез долголетство забыв, отродием славянским именуются»⁷⁶.

Важнейшее значение для изучения происхождения народа имеет самоназвание народа, а также названия, которые даны ему соседними народами. Вопрос этот специально разбирается Татищевым в X главе I тома «Истории Российской», носящей название «Причины разности званий народов». С. М. Соловьев считал эту главу исследованием по «тому времени превосходным»⁷⁷. Татищев указывает, что у разных авторов народы «разные и малосходные звания имеют», как например, народность, какую мы зовем немцы; «они сами зовутся те у т ш, латини зовут германе, французы аллемани, фини саксолайн», и разбирает причины «разности званий народов», подчеркивая происте-

⁷⁰ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 2, М., 1773, стр. 349.

⁷¹ Там же, кн. 1, ч. 2, М., 1769, стр. 431.

⁷² Там же, кн. 1, ч. 1, стр. 71.

⁷³ БАН, рукописн. отд. 7. 9. 7, стр. 3.

⁷⁴ См. П. Милюков, Глазные течения русской исторической мысли, СПб., 1913, стр. 89.

⁷⁵ П. Пекарский, История Академии Наук, т. 1, СПб., 1870, стр. 631—632. Вестник Ленинградского государственного университета, 1950, № 7, стр. 56—57.

⁷⁶ «Чтения в Московском об-ве истории и древностей российских», 1867, кн. 1, стр. 89—90.

⁷⁷ С. М. Соловьев, Собрание сочинений, изд. «Общественная польза», стб. 1338.

кающие отсюда трудности в изучении происхождения и древнейшей истории народов («чрез что давно немалое смятение в истории и географии нанесли») ⁷⁸.

Татищев видит непрерывность исторического процесса на территории Европейской и Азиатской России: древние народы «не исчезли, но где либо под другими именами дондсь остались» ⁷⁹. Так, народы, о которых писал Геродот и «которых греки скифами именовали», «многих из сих стран произшедших народов предки были» ⁸⁰.

Татищев дает лингвистическо-этнографическую классификацию всех народностей и племен на территории Российской империи, предлагая следующие большие три группы: скифы, сарматы и славяне. К «скифам» отнесены, помимо ряда древних народов, следующие современные народы, как потомки «скифов»: башкиры, каракалпаки, киргизы, татары, мешеряки, туркмены («трухмени»), авары, буряты и т. д. В основном это тюрко-монгольские народы. К потомкам «сарматов» Татищев отнес финнов, вотяков, болгаров, весь, емь, корелов, мерю, мордву, мешеру, мурому, чудь, югру и т. д. ⁸¹ В основном это финно-угорские народы.

Ряд народностей Татищев затруднялся отнести к той или другой группе. Так, по поводу многих сибирских народов он писал, что «неизвестно за которой род их почитать, а некоторые особаго рода, и ни к которым из сих не принадлежат» ⁸².

Представленная классификация является первой в русской литературе классификацией народностей и племен России. Бесспорно, она имеет ряд недостатков и ошибок. Термины «скифы» и «сарматы» получили в ней чисто отвлеченное значение. Ряд народностей были ошибочно включены в ту или другую группу. Так печенеги, половцы и литовцы попали в «сарматы», тунгусы в «скифы» и т. д.

При всех ее недостатках эта классификация имела два важнейших достоинства: 1) она была основана на данных языка и в основном охватывала близкие в этом отношении народности (тюрко-монгольские и финно-угорские) и 2) стремилась восстановить единство и непрерывность развития от ранних времен до XIX в. или, иначе говоря, она была глубоко исторична. Таковы принципиальные особенности этой классификации. Конечно, конкретное разрешение отдельных вопросов не всегда стояло на уровне поставленных задач. Слишком велики были эти задачи, и слишком мал был еще накопленный материал по языкам и этнографии народов России. Татищев и сам понимал, что им сделан лишь первый шаг. Резко критикуя западноевропейские работы (Страленберга и др.), в которых безапелляционно разрешались важнейшие вопросы этногенеза без знания «нужных языков» и производились «странные и несогласные с истиною имен произвождения», Татищев со свойственной ему научной скромностью писал о себе: «Я же тем не хвалясь, чтоб сии произвождения все точно положены, и не может где либо быть погрешность... но за тем еще многое не изъяснено осталось... что любопытному и трудолюбивому впредь ко изъяснению остается» ⁸³.

Особо следует остановиться на вопросах этногенеза славян у Татищева. Основное здесь, правда, уже сказано С. М. Соловьевым. Соловьев правильно указал, что в работе Татищева «выражена подтвержденная теперь мысль о древности славян в Европе и в тех местах, где они до сих пор обитают» ⁸⁴. В другом месте тот же Соловьев

⁷⁸ «История Российская, кн. 1, ч. 1, стр. 73, 76.

⁷⁹ Там же, кн. 1, ч. 2, стр. 274.

⁸⁰ Там же, кн. 1, ч. 1, стр. 5.

⁸¹ Там же, кн. 1, ч. 2, стр. 283—321.

⁸² Там же, стр. 316.

⁸³ Там же, кн. 1, ч. I, стр. XXVI.

⁸⁴ С. М. Соловьев, Собрание сочинений, изд. «Общественная польза», стб. 1341.

подчеркнул, что «в главе «О дальней древности славенского народа» Ломоносов повторил мнение Татищева, которое в наше время выражено почти в тех же самых словах и подтверждено Шафариком»⁸⁵.

Татищев так формулировал свою мысль об автохтонности славян в Европе и их древности: «Хотя подлинно о старости звания сего, сколько мне известно, прежде Прокопия не упоминается, но народ без сомнения так стар, как все прочие; и хотя оное прежде за отдалением римлянам знаемо не было, однакож то вероятно, что оное весьма древнее, и всем того языка или по малой мере по Днестру и Днепру обще употребляемо было да и на Север не поздно перенеслось; а по уделам каждый предел особно именовался, как в Европе окело Дуная и в Азии многих разных славенских званий народов задолго прежде Прокопия находилось, что у древнейших землеописателей находим»⁸⁶. Остонавливается Татищев и на венедах и антах, рассматривая их правильно как славян («венети хотя разные имена имеют, однако же обще суть все славяне, а другие их называют анты») ⁸⁷.

Не свободен оказался Татищев и от отдельных ошибок и увлечений в этом вопросе. В частности, некритически заимствовал он трактовку Ф. Прокоповичем античной легенды об амазонках, согласно которой древние амазонки неожиданно оказались славянами.

* * *

Замечательный русский ученый первой половины XVIII в. В. Н. Татищев сыграл крупнейшую роль в развитии этнографической науки в России.

Новый этап в развитии Русского государства, связанный с реформами Петра, требовал более углубленного внимания и изучения природы страны, ее производительных сил, ее населения и, наконец, истории ее народов. Передовой дворянский идеолог своего времени В. Н. Татищев был одним из тех, кто прекрасно понимал и осознавал поставленные задачи. Россия должна была иметь свою географию, свою историю, описание своих народов, написанные своими, русскими, учеными. В создании таких трудов и прошла вся жизнь В. Н. Татищева.

В. Н. Татищев оставил неизгладимый след в истории этнографической науки. Его анкета явилась родоначальницей многочисленных анкет XVIII в., сыгравших большую роль в изучении народов России (анкеты Миллера, Ломоносова и др.). Его «Лексикон...» был отцом многих словарей XVIII—XIX вв. (словари Полунина, Максимовича, Щекатова и др.). Татищев — создатель исторической этнографии в России. Татищев первый начал борьбу с извращениями русских древностей западноевропейскими учеными. Ломоносов продолжил и завершил эту борьбу. В разрешении вопросов славянского этногенеза Ломоносов во многом продолжал линию Татищева.

Советская историческая наука помнит В. Н. Татищева как русского патриота, как одного из крупнейших деятелей в истории русской исторической науки, частью которой является и этнография.

⁸⁵ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Калачовым, книги второй половина первая, М., 1855, отд. III, стр. 40—46; см. также П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, СПб., 1873, стр. 794—795.

⁸⁶ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, стр. 428.

⁸⁷ Там же, стр. 449.